

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОЖАН РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В силу различных обстоятельств в российской исторической науке до последнего времени отсутствовало должное внимание к изучению повседневной жизни людей. Экономические, демографические, социальные или политические процессы были изучены гораздо лучше, чем социально-психологические основы поведения людей, особенности их быта.

Постановка новых проблем исторического исследования не только открывает новые возможности для описания культуры других эпох, но и позволяет вводить в научный оборот новые источники. Начиная с XIX в., российская культурная традиция беспрекословно отдавала приоритет слову. Считалось, что идейное содержание произведения выше его формы. Отсюда, изучению материального воплощения идей в реальных вещах уделялось недостаточное внимание. Тот факт, что русский человек в силу образования и воспитания относился зачастую «пренебрежительно» к вещному миру, делает эти самые вещи очень привлекательным материалом для исследования определенной эпохи.

Как правило, человек не анализирует свои вкусы, не задумывается над смыслами и знаками отдельных деталей костюма или интерьера — поэтому под пристальным взглядом исследователя они становятся носителем ценной информации и «открытой книгой». Люди при всей своей высокой духовности вынуждены поддерживать свое физическое существование. Различные способы, которыми это обеспечивается, уже несут на себе печать культуры определенного периода. Не традиционные (неписьменные) источники предоставляют наибольшую возможность для реконструкции некоторых особенностей повседневной жизни.

Язык вещей, также как язык жестов, опирается на оптический код. Телесность человека выступает первичной символической системой этого языка. Западный человек опирается на предметно-вещный принцип трактовки окружающего мира и своего тела. Через вещи человек заявляет о себе окружающему миру. Европейский человек непрерывно занят борьбой с природой, и вся культура строится на противопоставлении: лесу — дому, дому — телу и т.д. Россия в силу своего исторического развития разделяет этот западный телесный канон, «в котором тело выступает «говорящей» телесностью с характерной тягой к исповедальности» [1]. Исходя из этой традиции, мы можем рассматривать предметно-вещную среду как исторический источник для фиксации изменений происходящих в сфере повседневной жизни.

Используя своеобразный язык через цвет, силуэт, пропорции, фактуру вещь может рассказать не только, что она собой представляет, для чего изготовлена, но и для кого создана, какой человек ею пользуется. Форма, не изображая человека, создает его образ — человек определенной эпохи, национальной принадлежности, социального положения и душевного склада. Анализ костюма, частности, может выявить некоторые эстетические доминанты эпохи. Характ

материалов, силуэт, степень удобства одежды могут рассказать об уровне технологии, образе пространства, скорости передвижения его носителя. Индивидуальные мотивации выбора комплекса вещей отражают степень реализации творческих возможностей каждого отдельного человека в повседневной жизни. Поэтому анализ материально-вещной среды является важным источником для понимания не только настоящего, но и прошлого. Подобный подход особенно продуктивен при исследовании исторических периодов, отличающихся серьезными социально-экономическими сдвигами. Новые источники могут помочь по косвенным данным более полно оценить глубину происходящих изменений в обществе. Тем более что вербальные исторические источники в большей мере идеологизированы, заведомо подчинены какой-то идее, подвергнуты цензуре. Материальное окружение «простого» человека в подавляющем большинстве случаев не обременено подобным грузом.

Интересно восстанавливать образ человека эпохи перемен, когда в комплекс вещей входят предметы, сигнализирующие о ценностях старого и нового периодов. Ж. Бодрийяр подчеркивал, что в нашем бытовом окружении уживается множество функционально разобщенных вещей и лишь человек, исходя из своих потребностей, заставляет их сосуществовать вместе [2]. Такое разнообразное множество вещей интересующего нас периода получило отражение в фотографиях, рекламных объявлениях в газетах и журналах, музейных коллекциях.

Характерной чертой начала XX в. в этом отношении была попытка соединить индивидуальное и уникальное с массовым стандартным производством. Такое явление было частью более общих перемен в российском обществе, начавшихся во второй половине XIX в. В период модернизационных преобразований в связи с изменениями характера общественного производства, общественного потребления и общественных отношений произошло усложнение всех сторон повседневной жизни, причем не только в столицах, но и в российской провинции. Отчетливо эти изменения можно проследить на примере Уральского региона. Отмена крепостного права, развивающаяся фабричная промышленность способствовали росту городского населения. В последней трети XIX в. города притягивали к себе наиболее мобильное население окружающих территорий, уравнивая социально-экономическое положение, права и интересы мужчин и женщин, представителей различных сословий и национальностей.

Численность городского населения и темпы его роста достаточно полно отражают общие социально-экономические закономерности развития города и региона. В целом города Урала были мельче российских. Тем не менее, с 1863 по 1897 г. число крупных городов на Урале с населением более 10 тыс. увеличилось с 7 до 19. В восьми городах региона в 1897 г. (к моменту первой все-русской переписи населения) численность жителей превышала 20 тыс. чел. Кроме губернских центров, в это число входил ряд уездных городов, в частности и Екатеринбург. Именно такие города становились основными центрами притяжения торговых и промышленных капиталов, рабочей силы, здесь концентрировалась культурная и административная жизнь региона.

Реальными носителями новых идей, сторонниками современного на тот период образа жизни были представители различных городских слоев. В указан-

ный период состав жителей как по сословиям, так и сферам занятий претерпели существенные изменения. В последней четверти XIX в. росла численность дворян и почетных граждан в городах, хотя их доля почти не изменилась, составляла около 9%. Купеческое сословие в городах сократилось не только численно, но и абсолютно. Для того, чтобы заниматься торговлей, не обязательно было переходить в купеческое сословие. Самым многочисленным городским сословием были мещане. Их доля среди населения городов составляла более 43%. Примерно столько же в численности городского населения составляла доля крестьян. Это были в основном не так давно прибывшие из сельской местности жители, по существу потерявшие свою связь с прошлым бытием и сферой деятельности, ставшие промышленными рабочими, предпринимателями, ремесленниками, торговцами, т. е. полноправными городскими жителями [1].

В начале XX в. на первый план все отчетливее выступала необходимость деления общества по занятиям и способам получения доходов. Растет доля профессионально и хозяйственно активной части населения Пермской губернии. В 1888 г. в Екатеринбурге 45,8% жителей имели свои заработки и доходы, в 1897 г. уже 53,0% [4]. Все меньше членов городских семей занималось только домашним трудом, все больше женщин и детей было вынуждено искать себе самостоятельный заработок.

Структура занятий жителей городов Урала была аналогична общероссийским показателям. Города края развивались как торгово-промышленные центры. Сравнение профессионального состава населения Екатеринбурга за 1873 и 1897 гг. показывает, что постепенно он из административного и посреднического центра превращался в центр торговли и промышленности. При этом в Пермской губернии были и такие города, которые по своей экономической структуре больше напоминали сельские поселения. В Соликамске, Камышлове, Верхотурье, оказавшихся в стороне от буржуазного развития, лица, занимавшиеся сельским хозяйством, составляли до 60% всего «производительного населения».

Города Урала, как и всей России, развивались неравномерно. Они различались по своей истории, степени концентрации торговых и промышленных предприятий, близости транспортных магистралей и торговых центров, специализации окружающих их районов. Но среди них выделилось несколько городов, которые стали лидерами процесса урбанизации, — в частности, Пермь как губернский центр, и Екатеринбург, как центр горнозаводского региона. Формирование в городах новых моделей поведения оказывало ощутимое влияние на образ жизни населения других территориальных общностей. Иными словами, города становились подлинными катализаторами перемен в регионе.

В экономической, социальной и политической областях жизни это выразилось в росте специализации и рационализации различных институтов. В бытосфере ярко стала проявляться дробная спецификация разных функций вещей. В городах (а урбанизация также являлась составляющей модернизации конца XIX — начала XX вв.) этот процесс шел более последовательно и прослеживается достаточно отчетливо.

Ведущая роль обычая как механизма социальной регуляции к началу XX в. оказалась подорванной. Его начинает теснить феномен моды. Усиление со-

ной мобильности, расширение контактов между различными культурами, технологические новшества, развитие и распространение научных знаний привели к необходимости изменения межличностных отношений, выработки новых норм и стандартов поведения. В моде институциональные аспекты были подчинены стихийно формирующимся тенденциям социокультурной инновации и массового отбора соперничающих культурных образцов. Внимательный наблюдатель, зная значение различных символов, может по господствующей «моде» определить явные и латентные ценности, господствующие в обществе [5].

В повседневной жизни людей это выражалось в возрастании рационального отношения к пище, одежде, бытовой технике, тратам времени и денег и пр. Достижения науки и просвещения к началу XX в. привели к тому, что гигиена стала более широко проникать в городские слои населения Урала. «Гигиена коснулась всех условий нашей жизни, личной и общественной, заглянула в нашу быденную, домашнюю обстановку, в школу, в мастерские, во все места, где люди вместе сходятся и вместе работают, освещая неприглядные, нездоровые условия человеческого существования» [6]. Распространенным явлением становится реклама различных дезинфицирующих средств. «Здоровый и красивый человек нашего времени обязан этим важным в жизни качествам, прежде всего, правильному уходу за телом. Опрятность играет при этом первостепенную роль. Лучшую меру предосторожности от заразы если для мытья и купанья, особенно для дезинфекции рук перед каждой едой употребляется карболовое мыло» [7].

Свидетельством нарастания модернизационных процессов в обществе является распространение рационального взгляда на здоровье. Оно становится необходимостью, от него зависели работоспособность и профессиональный успех. Рынок товаров и услуг моментально отреагировал на эти требования времени. Увеличивается количество практикующих врачей. Их услуги становятся все более доступными. Растет число лекарственных средств, которые продавались без рецепта. В местных аптеках кроме различных зубных порошков и эликсиров для полоскания можно было купить карандаш от насморка, пластырь от мозолей и бородавок, мыло, которое «уничтожает веснушки, загар, желтые пятна, прыщи и угри и действует против излишней потливости» [8].

Открыто в местной и центральной печати стали обсуждать темы, всегда считавшиеся наиболее интимными: венерические болезни и гигиенические, и лекарственные средства для их предотвращения или лечения, половые расстройства, проблемы беременности и пр. Это также является признаком перехода от традиционной культуры, основанной на тайне, к рациональной, в большей мере опирающейся на объективные научные знания, открыто обсуждающей любые проблемы.

Последние достижения в производстве косметики и парфюмерии позволяли корректировать внешний вид как женщин, так и мужчин и дольше сохранять молодость. Местные уральские газеты обращались с предложениями ко всем: «Хорошие волосы — достояние немногих счастливыхцев. Блестящие результаты дает новое мыло «Ханолиновое». Оно совершенно устраняет перхоть и необычайно содействует росту волос». Там же предлагались различные импортные средства: «Японский крем «Банзай» от веснушек, желтых пятен, морщин и угрей», «Яволь» сохраняет ваши волосы» и пр. Знакомая нам реклама брит-

вы еще в начале XX века убеждала жителей Урала, что лучше ее для мужчины нет: «Безопасная бритва «Кадет» с настоящими лезвиями «Жиле Единственная бритва по качеству и дешевизне» [9].

Явно изменились представления о красоте, способах ее поддержания и на более предпочтительном возрасте. «В настоящее время женщина, благодаря утонченному кокетству и строгой гигиене, остается молодой без всяких искусственных прикрас до пятидесяти лет; теперь нет «пожилых» женщин, теперь есть только молодые и старые» [10].

Возникает своеобразная «идеология молодости» как знак иного строя общества, потребности постоянной адаптации к изменениям. Важным показателем является меняющееся отношение к детскому здоровью, воспитанию, образованию, организации детского досуга. Высокой ценностью в глазах общества ранние возрасты стали наделяться лишь в новое время. Для традиционного общества возраст — основа социальной организации. Именно поэтому ранние возрасты там обладали меньшими правами при распределении основных ролей и ключевых позиций.

Конец XIX в. ознаменовался появлением специальной детской одежды. Детей стали одевать в соответствии с их пропорциями и родом занятий, а не как маленьких взрослых. Самым популярным и известным с того времени становится моряцкий костюм. Его носили дети в мещанских и дворянских семьях. Матросский воротник мог быть выполнен из темного бархата или шелка, выложен шелковой белой плетеной тесьмой. Сзади воротник был украшен вышитыми якорями. Якорь часто был и на белой грудке, закрывавшей вышитый воротник. Спереди, под воротником, часто носили черный галстук. Манжеты соответствовали цветом (не только синий, но красный) и отделкой воротника. Все это делало костюм яркой и нарядной стилизацией под матросскую форму. По кадрам кинохроники и фотографиям известно, что и дети императора Николая II также носили такой фасон.

Требования рациональности (т.е. простоты и удобства) стали предъявляться в первую очередь к одежде взрослых. Повседневная женская одежда претерпела значительные изменения. Женщина освобождается от многих условностей предписанных многовековой традицией; горизонты возможностей значительно расширились, роль женщины в социуме начинает переосмысливаться. Новые занятия (профессиональные или в свободное время) привели к упрощению одежды и ее крою. Важной чертой времени стало создание современного городского костюма. Для женщин он состоял из юбки и блузки, для мужчин — пиджака и брюк. Такой комплект был первой универсальной одеждой, которую носило городское большинство. Она встречалась в гардеробе представителей всех городских сословий и слоев: чиновников, различных служащих, учителей, врачей, вплоть до крестьян.

Общей причиной роста количества вещей, их универсализации и быстрой смены модных стандартов пресса начала XX в. называла их машинное производство и изменения в социальной сфере. «В настоящее время новости моды с быстротой молнии распространяются по всему цивилизованному миру, находят себе поклонников среди представителей всех сословий» [11].

Таким образом, машинное производство внесло первое и значительное изменение: убрало «субъективный элемент» и на рынке появился «шаблонный товар для того, кто подходит под данный размер. Массовый товар имеет и массового покупателя. Фабрика готового платья обслуживает средний и малозостоятельный класс» [12]. Более богатая клиентура имела возможность оплатить индивидуальные заказы.

Среди причин, менявших формы костюма, указываются физические условия жизни человека (климат, деятельность и пр.), социальные, а также психические побуждения. «Подражательность присуща всякому обществу. В большинстве случаев стремятся подражать тем, кто в глазах общества является выдающимся в его среде (снобиз); эти-то избранные и дают то всем остальным» [13].

Образцом перехода от сложного к простому в одежде начала XX в. была имитация сложного кроя. Вместо реальных отрезных деталей использовались накладные или отстроченные. В обиход постепенно входила более дешевая властмасса вместо дорогостоящего китового уса. Новые анилиновые красители делали шерстяные ткани более яркими. Российские хлопчатобумажные ткани заменили шелк и позволили шить недорогую и красочную одежду. Журнал «Парижские моды», который встречался и в Екатеринбурге, предлагал фасоны дорогих пальто и платьев. Но в то же время отмечалось, что «фасон этот можно скопировать из сукна или шерстяной материи по вкусу (вместо атласа), заменить соболь более дешевым мехом». Музейные коллекции Екатеринбурга, Перми, Ирбита представлены именно такими экспонатами, некогда принадлежавшими мещанкам, купчихам или работницам фабрик и заводов.

Стоящие на более низкой социальной ступени слои городского населения имитировали одежду тех, кто занимал более высокое место. Можно предположить, что для слоев мещан и городских служащих образ аристократической дамы модерна был идеалом-целью. Думается, что на городских улицах Екатеринбурга или Перми в реальности встречался более рациональный вид одежды, в котором типичный для модерна силуэт был едва намечен, а плавная линия соответствовала естественным контурам фигуры. Такая тенденция запечатлена на студийных и любительских фотографиях, а также на отдельных зарисовках [14].

Выходцы из крестьян также пытались одеваться как представители средних городских слоев. Иногда их покрой блузы содержал детали, свойственные и городской, и деревенской одежде. В частности, это могли быть ромбовидные вставки в рукавах на крестьянский манер вместо вытачек, используемых городскими портняхами. Кроме того, в начале XX в. в крестьянской одежде чаще стало встречаться украшение из готового фабричного кружева. Существовало и различие в более предпочтительных цветах. Если коренные горожанки в основном выбирали, даже для праздничной одежды, цвета спокойные, приглушенные, например, бежевый, песочный, голубой или черный, то крестьянская одежда отличалась яркостью. Представители крестьянского сословия одевались в красный, зеленый, сиреневый цвет. Очень часто их одежда была перегружена отделкой. Если использовались украшения вышивкой, то цвета и мотивы тоже были традиционными для крестьянской среды. Выходцев из крестьян можно было безошибочно узнать среди прислуги, гувернанток не только по манере

одеваться, но и по прическам на прямой пробор. Встречаются фотографии, на которых бывает запечатлена молодая женщина в скромном городском платье с бусами в несколько рядов по деревенской традиции.

Роскошь, как социальный знак, в описываемый период демонстрировалась в основном мещанками и купчихами. Выражалось это преимущественно в обилии декора и яркости цвета, в стремлении дешевыми средствами имитировать буржуазную роскошь, иногда в неумелом сочетании цветов, материй и фактуры. Это было отмечено и современниками: «В настоящее время цены на товары, благодаря механической машинной фабрикации, очень понизились, и предметы, которые раньше были предметом роскоши, стали самой обыкновенной принадлежностью туалета или обстановки» [15].

Массовый потребитель получил возможность овладеть высшими достижениями искусства. Общедоступность красоты стала лозунгом времени. Возникла «красота для бедных». «Страсть к подражанию, стремление низших сословий тянуться вслед за высшими во всем, что касается внешнего строя жизни, никогда не имело столь широкого распространения. Понижение цены на различные товары делает доступным для масс множество таких вещей, которые в прежнее время составляли привилегию только богатых и знатных» [16]. Городские жители раньше деревенских получили возможность из готовых вещей составлять свой гардероб и интерьер дома, который отвечал не только духу времени, но и индивидуальным эстетическим, психологическим и материальным запросам.

Главным условием формирования стиля вещественной среды является господствующее мировоззрение, т. к. оно влияет на нормы поведения, жизненные устремления, интересы, труд и быт людей. Наиболее быстро откликаются на происходящие в обществе изменения «маленькие» вещи: разнообразная домашняя утварь. Растет само количество кухонной и столовой посуды в домах средних городских обывателей. Сорт и количество кухонных принадлежностей в основном зависели от размера самого домашнего хозяйства и средств хозяев. В среднем различными женскими печатными изданиями было рекомендовано использовать около 100 наименований различных предметов только для кухни. Кухонная посуда все больше производилась на фабриках; меняется материал, принцип ее формообразования, она становится все более специализированной. В частности, новым было использование алюминия для предметов в кухне, туалетах, посуды для путешествий.

Техника проникает в наиболее консервативную часть человеческой жизни — в сферу приготовления пищи. Кухни постепенно начинают наполняться приспособлениями и механизмами: мясорубками, пароварками, соковыжималками, терками.

Для домашней стирки в городских условиях различные печатные издания стали советовать применять стиральные машины различных конструкций. Утюги большей частью употреблялись железные, разного размера. Но современные на тот момент считались утюги, нагревающиеся изнутри углями, электрическими, газовые, спиртовые.

Комнаты также заполняются разнообразными вещами. Сотни вещей — мебель, цветы, украшения и безделушки — просто загромождали комнаты. Для каждой комнаты магазинами и мастерскими предлагались отдельные наборы

Иллюстрированные приложения к модным журналам печатали разнообразные выкройки для вышивки, выжигания, выпиливания. Читателям советовали сделать многочисленные интерьерные вещи: различные полочки, подставки, этажерки, утюжеры, чехлы, абажуры и экраны для свечей и пр. Не стоит даже говорить о предметах женских рукоделий. Вышитые салфетки, подушки, картины, изделия из бисера были весьма распространены во всех домах. Альбомы для стихов, рисунков, приспособления для хранения журналов или нот, рамки для фотографий и картин также были зачастую вышитыми.

С одной стороны, это могло свидетельствовать о попытке организации идеального пространства дома для различных занятий и проведения досуга, с другой стороны — о строгой функциональной специализации вещей. Одним из главных критериев меняющегося сознания становится понятие комфорта (сочетание рационального и удобного).

Помимо этого начинает отходить в прошлое отношение к повседневным вещам как к своего рода капиталу (заготовка одежды или домашней утвари прок), что препятствовало их обновлению. Большое значение для начального этапа формирования феномена массового потребления вещей получила их моральная старения. Стремление быстро менять вещи, по замечанию авторов начала XX в., являлось характерной особенностью современного культурного человека. «Во всех более или менее зажиточных домах принято теперь обновлять обстановку чуть ли не через каждые 8—10 лет» [17].

Массовым становится не только потребление вещей, но и проведение свободного времени. В газетных и журнальных статьях корреспонденты все больше настаивали на том, что досуг должен был стать своего рода полезной деятельностью или использоваться для приобретения знаний. Особое внимание уделялось занятиям с детьми. Большое распространение получают «игральные» комнаты в состоятельных семьях. Это царство игрушек с раскрашенными книжками, куклами, наборами игрушечной мебели, оловянными солдатиками, волчками» [18]. Для «неутомительного» семейного или детского чтения в первое десятилетие XX в. издаются специализированные журналы. Достаточно лишь перечислить названия некоторых из них: «Детское чтение», «Для малюток», «Дошкольное воспитание», «Друг детей» и т.д.

Когда семья собиралась «у самовара», ей тоже было что почитать. Разнообразными были издания для приятного и полезного отдыха: «Семьянин», «Фоторграфические новости», «Досуг и дело», «Царь-колокол», «Всемирная иллюстрация», «Общество любителей комнатных растений и аквариумов» и пр. Хотя в большинстве своем эти журналы издавались в Москве и Санкт-Петербурге, но были весьма распространены и в Перми, и Екатеринбурге.

На рубеже веков все более увлекательными детскими занятиями становятся расчётные и познавательные настольные игры, собирающие за одним столом детей и взрослых. Предлагались для проведения семейных вечеров «Домашний спорт. Иллюзия настоящих скачек. Футбол на столе. Рысистые дерби с реализатором. Московские трамваи (План Москвы, 10 вагонов, билеты — копии настоящих)» [19]. Эпоха промышленной революции внесла в детские игры свои коррективы. Рядом с конями-качалками достойное место занимают вело-

сипеды и коньки. Армии оловянных солдатиков соседствуют с жестяными ровазми, парходами «Уличная продажа автоматических оловянных игрушек перед рождественскими праздниками». Вместе стоят карусели, японец, жонглер, автомобиль [20]. Явно прослеживается тенденция вытеснения народно-кустарной игрушки с рынка более дешевой фабричной продукцией, что по сути равносильно исчезновению первой.

Перед Рождеством газеты пестрели объявлениями о продаже елочных игрушек, особенно в начале XX в., когда елку к праздникам стали ставить почти в каждой семье. Но еще долгое время наряд для елки готовился загодя дома детьми и взрослыми. В последнюю неделю перед праздниками это становилось главным занятием в долгие зимние вечера. Самоделки были из бумаги, папье-маше и глины. Украшением служили орехи, пряники, фрукты, конфеты и другие сладости. Они же одновременно были и подарками. Именно с этого периода взрослые стали устраивать для детей специальные детские утренники, которые и до сих пор носят название «елка». Появление специального зимнего детского праздника свидетельствовало о признании самоценности детства. Его перестали считать эскизом, началом, предысторией взрослого человека.

Для взрослых также устраивались различные балы-маскарады. К таким карнавалам готовили специальные костюмы. С фотографий начала прошлого века, хранящихся в архивных и музейных собраниях, на нас смотрят барышни и дамы в национальных русских, украинских и др. костюмах [21].

Костюмы были обязательны при посещении праздничных вечеров, проводимых в зале общественного собрания Екатеринбурга или в заводских клубах. Упоминались маски клоунов, «Петрушки», «Незабудки», «Лета», «Рыбак» и некоторые другие [22].

Анализ таких существенных сторон повседневной жизни как жилище, предметы повседневного и праздничного обихода, проведение досуга свидетельствуют об общей нивелировке быта различных городских слоев. Явно прослеживается единая тенденция увеличения количества вещей в помещениях городского дома. Наряду с массовым фабричным производством вещей, идет развитие и промышленного дизайна. Он все больше начинает определять формы бытовых вещей, фасоны одежды, их цветовую гамму.

Рационализация повседневной жизни, свойственная периоду преобразований в конце XIX — начале XX в., способствовала вытеснению игровых элементов традиционной культуры. В частности, меняется функциональная природа костюма. Исчезли в связи с социальными изменениями половозрастная и словесная функции. Происходит трансформация магической функции костюма в функцию домашней утвари. Не ощущая особой роли деталей и скрытого языка стилизации горожане получили возможность надевать опознавательные знаки различных социальных групп. В период становления рыночных отношений происходит выдвигание личности как активного начала в ходе исторического процесса.

События начала XX в. создали для людей специфическую среду. Меняющиеся условия давали возможность примерить «чужое» платье, заставляли частично прожить «другую» жизнь, словно на сцене. Жизнь приобрела всеобщий театральный оттенок. Прослеживаются две противоположные тенденции о

ременно: желание выделиться и побуждение соответствовать определенным стандартам. «В изменяющемся обществе субъективная жизнь постоянно утрачивает равновесие. мода предоставляет возможность для выражения вкусов, определения и, следовательно, фиксации и упрочения» [23]. Правда, во внешнем облике тиражировался скорее аристократический идеал богатства и респектабельности, нежели мещанская скромность и простота расчетливости. И тем не менее, иное оформление жизненного пространства не только являлось свидетельством новой системы ценностей, новоявленных культурных представлений, но и заставляло горожан менять свое поведение, стратегию принятия решений не только в сфере общественного производства, но и в быту, в кругу семейного общения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Круткин В.Л. Онтология человеческой телесности. Дисс. ... докт филос. наук. Екатеринбург, 1994. С. 99.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995. С. 7.
3. Алферова Е.Ю. Профессионально-классовый состав городского населения Урала в пореформенный период // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1861—1917). Сб. научн. статей. Свердловск, 1991. С. 78.
4. Однодневная перепись г. Екатеринбурга 26 марта 1887 г. и ее результаты // Город Екатеринбург. 1889. С. 84—85; Первая всеобщая перепись населения. 1897 г. Т. XXXI. С. 176—183.
5. Гофман А.Б. мода и люди. М.: Наука, 1994, С. 34.
6. Хозяйство и гигиена // Хозяйка. 1902. № 55. Ст. 1577.
7. Уральская жизнь. 1914. 15 мая.
8. Екатеринбургская неделя. 1894. № 39.
9. Уральская жизнь. 14 июня 1909; 4 июля 1910; 22 мая 1909; 1 авг., 1910.
10. Уменье одеваться // Дамский мир. 1912. № 6. С. 27.
11. Хозяйство и мода // Хозяйка. 1902. № 45. Ст. 1264.
12. Гулишамбаров С.И. Предметы одеяния в главнейших странах. Известия императорского РГО. Т.39. 1903. СПб., 1905. С. 549.
13. Реньо Ф. Одежда, ее происхождение, законы, обуславливающие формы костюма и научная критика // Хозяйка. 1901. № 4. Ст. 60.
14. Тихачек М.И. Екатеринбург в лицах: из альбома М. Тихачек. Свердловск, Средне-Уральское изд-во, 1983.
15. Хозяйство и мода // Хозяйка. 1902. № 46. Ст. 1288.
16. Там же. Ст. 1291.
17. Там же. № 44. Ст. 1234.
18. Васютинская Е. Два века русского детства // Юный художник. 1994. № 5—6. С. 10.
19. Рампа и жизнь. 1913. № 43.
20. Петербургская жизнь. 1903. № 744. С. 5307.
21. Музей истории Екатеринбурга. Фонд Терехова. № 256; ГАПО (Государственный архив Пермской области). Фр-1331. Оп. 1. Д. 257. Фотоальбом семьи Бажановых.
22. Екатеринбургская неделя. 1896. № 4; Уральский край. 1908. 23 янв.
23. Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: тексты. Под ред. В.И. Добренкова. М.: МГУ, 1994. С. 211.

EVERYDAY LIFE OF THE TOWNSMEN IN RUSSIAN PROVINCE IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURIES: ISSUES OF METHODOLOGY AND HISTORY

The article discusses various methodological approaches to the research into everyday life of townsmen. The author characterises an informational potential of material world of things, the possibilities to use a thing as a source for study and methods of the information deriving from it for the reconstruction of the townsmen everyday life. Using concrete historical material, the author defines tendencies of change in the everyday life in the context of modernization transformations.

O.N. Yakhno